

Живет в Кишиневе (Молдова).

Горело

Горело ночью, где – не разобрать,
как будто под листвою у печки грелись:
развёрнутую домиком тетрадь
подхватывала пламенная челюсть,
а после из утробы земляной
по узким камышинкам дымоходов
змеёныши-дымки ползли стеной,
в полночные проваливаясь воды,
свивались под молчание собак...

Над городом, как призрачное судно,
неспешно плыл белёсый волкодлак,
обличие меня поминутно,
асфальтовые лезвия дорог
завёртывал в нетканые тряпицы, -
от бешеной хромой луны берёг
неохранённых тех, кому не спится.

И было от окна не отойти,
не оторвать притянутого взгляда
от темноты, разъятой на ломти
движениями дымчатого гада, -
и виделось: пока не рассвело,
до третьего призыва зоревое
туманилось холодное стекло
от горького дыхания живого.

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь –
в ателье, по воле индпошива –
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

Версты дождевные

Потупив очи долу, на заре,
в пустом академическом квартале,
сегодня пели так в монастыре,
как будто люцифера ожидали –
повсюду пламенели голоса,
то вспыхивая вдруг, то затихая,
и раздували ноздри небеса,
и била в барабан гроза сухая,

а после в белокаменном стогу,
подмяв многоэтажные початки,
валялся дождь, выкусывая мгу
из жёстких шкур асфальта и брусчатки,
и всем, кого по свету развели,
об их неразделимости не зная,
казалось, что от неба до земли
верста намного меньше, чем земная.

{jacomment off}